

Он неотрывно смотрит на экран телевизора, что напротив его кровати. Идет какой-то полицейский фильм — сплошная стрельба, драки, и ясно, что все это Рудольфу Нуриеву совершенно неинтересно. Он утомлен. Подавлен. Глаза на худом, бледном лице — это глаза бесконечно уставшего человека.

Мы в больнице. Его палата — на шестом этаже. Знаменитый пациент лежит здесь под чужим именем. Он вернулся в больницу в прошлую пятницу, проведя дома всего несколько дней. Болезнь, которая после пройденного в больнице курса лечения немного отпустила Руди, набросилась с новой силой. И он вернулся в свою палату. Благодаря хлопотам его итальянского представителя Луиджи Пиньотти я получил исключительную привилегию — провести два часа у изголовья великого танцовщика.

Врачи говорят, что сейчас Руди лучше. В самом деле, сегодня у него не такое напряженное выражение лица и скулы вроде не так резко обтянуты кожей, как тогда, в день премьеры «Баядерки». Едва закрылся занавес, зал разразился шумной овацией в его честь. И замер, пораженный, едва он появился на сцене — танцовщики вели его под руки...

Он, Нуриев, всегда был скуп на откровения. И теперь, сидя у его кровати, я припоминаю Руди наши встречи в Милане, Кордове, Ленинграде. Не могу понять, знает ли он, что его закат, возможно, уже неизбежен и близок, или же действительно цепляется за надежду, что бьется в его татарском (так

Урала, чтобы окунуться в мир танца — мальчишкой амбициозным, строптивым, хотя как ученик я был неумотом и очень внимателен. Приехав в Ленинград, встретился с ней и долго гладил ее седую голову. Мне казалось, что я ласкаю мою землю. Анна спросила: после такого успеха на Западе, что еще ты хотел бы получить от жизни? Я ей ответил: хочу прожить до ста лет, как вы, дорогая Анна. А она: «Хорошо, Руди, в таком случае давай заключим союз с дьяволом, но мне тогда надо будет дожить до 150 лет, чтобы увидеть, сдержит ли он свое слово».

С тех пор прошло три года. Рудольф одет в пижаму из тонкой шерстяной ткани яркого рисунка и ярких цветов — ему, отличающемуся необыкновенной фантазией, нравится сочетание живых красок. Но сейчас он не может даже самостоятельно повернуться в кровати — приходится звать сестер. А ведь это тот самый Руди, что поражал мир!

Он с нежностью вспоминает свою работу с Марго Фонтейн.

— Она была идеальной партнершей. Хотя у нас были различные темпераменты и разница в двадцать лет. Но когда мы были на сцене, наши тела, наши руки соединялись в танце так гармонично, что, я думаю, ничего подобного уже никогда не будет!

Мне показалось неуместным вспоминать о том, что он не всегда с должным уважением относился к своим собратям по сцене. Некоторые балерины говорили, будто он нарочно старается сделать так, чтобы они упали, на глазах у всех — так было, например, с Натальей Макаровой. Другой известный случай произошел в Вероне, во время спектакля «Смерть в Венеции»: он надавал пинков дебютанту бразильцу Де Альмейда за то, что тот «вышел за пределы» своей скромной роли. Вспоминать об этом в нынешних обстоятельствах было бы крайне неуместным. Тем более, что сейчас Руди демонстрирует совсем другое отношение к коллегам и просит меня передать сердечные приветствия и глубокое уважение примадоннам итальянского балета — Карле Фраччи и Елизабете Терабуст — «very, very dear» — «Они очень, очень милы».

Спрашиваю, почему вместо низкопробных фильмов про ковбоев Руди не попросит поставить видеозаписи его знаменитых балетных репертуаров, или в крайнем случае фильм о Рудольфо Валентино, где он сыграл главную роль. Он не отвечает. В его взгляде — неутешная горечь, он делает едва заметный жест, словно отодвигает от себя не только то, что сделал, но и вообще все свое прошлое.

Он родился в поезде, который шел по Сибири во Владивосток, учился танцевать в Ленинграде, бежал на Запад, сделал головокружительную карьеру, стал живым мифом. Никогда не скрывал, что обществу женщин предпочитает общество мужчин. Вместе с бурей аплодисментов на его голову низвергались потоки долларов. Он мог позволить себе роскошные апартаменты и особняки в Париже, Лондоне, Монте-Карло, Нью-Йорке, Гвадалупе. Последним его приобретением стали три островка в Адриатическом море напротив города Позитано — он заплатил за них четыре миллиона лир. Острова называют Ли Галли, по преданию, именно здесь обитали сирены, чьим пением наслаждался Одиссей.

Спрашиваю: все это — слава, богатство, всеобщее обожание — сделало оно его счастливым?

Руди не отвечает.

Этторе МО.

«Коррьере делла сера», 23 ноября.

Перевела с итальянского
Марина АРКАДЬЕВА.

«ХОЧУ ПРОЖИТЬ ДО СТА ЛЕТ»

в тексте. — Ред.) сердце — надежду вернуться к жизни.

Его самые ближайшие планы — поехать в Милан, как только выйдет из больницы. «Хочу поставить «Щелкунчика», — говорит он мне, — «Спящую красавицу», «Ромео и Джульетту». И дает понять, что сдержит свои обещания.

Время от времени звонит телефон: друзья, коллеги, почитатели — из всех стран мира. Звонят женщины, знаменитые своей красотой, которые безнадежно любили его. И он берет трубку, медленно подносит к уху.

— Руди, ты помнишь, как после 28-летней заграничной «ссылки» вернулся в Ленинград, в Кировский театр? Те 25 минут бурных аплодисментов, которыми наградили тебя? И свою первую преподавательницу — Анну Удальцову, уже тогда ей было сто лет, и она тоже была там!

— Конечно, помню, — отвечает Нуриев, — конечно, конечно. Анна показала мне первые па, когда в 1955 году я пришел в балетную школу при Кировском театре. Она была очень хорошим педагогом и очень строгим. Но я вспоминаю ее прежде всего как человека бесконечно доброго, она стала мне второй матерью. А ведь тогда были трудные времена, — часто нам просто нечего было есть. Когда я вернулся в Ленинград, она была среди тех немногих, кого я хотел бы увидеть прежде всего. Для нее я остался мальчишкой, приехавшим в Ленинград с

